

Н. А. Колосов

**Типы православного
духовенства в русской
светской литературе
1901-1902 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. А. Колосов**
Типы православного духовенства в русской светской литературе 1901-1902 гг. /
Н. А. Колосов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 78 с.

ISBN 978-5-458-56394-9

ISBN 978-5-458-56394-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Идет баба въ горницу, упирается, двое-трое ведутъ, иной разъ волокомъ тащить. Накроетъ дѣдушка эпитрахилью бабу, положить ей на голову свою руку и начнетъ молитвы читать своимъ дрожащимъ, трогательнымъ голосомъ... Бьется баба подъ эпитрахилью, кричитъ источнымъ голосомъ, а дѣдушка все читаетъ молитвы, все мягче и ласковѣе. Станетъ баба затихать понемножку, прошибетъ ее слеза, и примется она плавать горько-горько, а потомъ и въ свое чувство придетъ.

«Очень намъ жалко бываетъ послѣ этого дѣдушку. Трудно ему бороться съ бѣсомъ, идетъ онъ изъ горницы по саду, пошатывается, голова въ скуфейкѣ качается, весь онъ ослабѣетъ и придетъ въ пчельникъ — сейчасъ же спать ляжетъ. И тутъ ужъ мы его не тревожимъ.

«Далеко шла слава о дѣдушкѣ. Привозили къ нему и мужиковъ, которые по десяти лѣтъ на цѣпи прикованные сидѣли, и ребятъ малыхъ, которыхъ на новый мѣсяцъ корежило, но больше всего бабъ одержимыхъ было, и больше ихъ вылѣчивалъ дѣдушка».

Дѣдушка—другъ дѣтей, которые какъ-то и не считаютъ его за взрослого. Съ ними онъ готовъ проводить цѣлые дни, съ ними всегда веселъ, шутитъ, рассказываетъ сказки, а иногда и исторію объ Іосифѣ Прекрасномъ и про старья времена, разбираетъ ихъ ссоры, заступаетъ за нихъ предъ взрослыми, покупаетъ имъ баранки и ситцу на платья. Впрочемъ, и всюду онъ вноситъ съ собою миръ и веселье. Придетъ онъ съ пчельника домой, и всѣмъ какъ-то веселѣе станетъ. Велитъ самоваръ поставить, за чаемъ шутки шутитъ, и всѣ смѣются. Онъ защищаетъ сяюху отъ крутого нрава своей старухи-жены («бабушки») и миритъ домашнія ссоры. И хотя онъ весь день проводитъ въ саду и на пчельникѣ и въ дѣла взрослыхъ мало вмѣшивается,—когда онъ умираетъ, въ домѣ и въ семьѣ сразу ставовится пусто, и пустота эта остается навсегда незаполнимой.

И для могилы выбралъ онъ себѣ мѣсто «рядомъ съ дѣт-

скими могилками съ краю у самой ограды, куда солнце свѣтило, откуда поле широкое видно».

«Кажется—вспоминаетъ авторъ разсказовъ—никогда не видѣло наше село такого множества народа, какъ на похоронахъ дѣдушки. Съѣхались священники и родня, собравшійся со всей округи народъ не могъ помѣститься въ церкви и наполнилъ ограду и густой толпой стоялъ передъ папертью. Когда показался гробъ изъ церкви, много народу пало на колѣни, а бабы плакали.

А потомъ прошелъ по селу слухъ—бабушка Спиридониха сама видѣла — когда дѣдушку въ могилу опускали, завился бѣлый голубь надъ кладбищемъ и пропалъ... И на дѣдушгину могилу стали возить одержимыхъ и служить панихиды...

А на селѣ долго вспоминали о дѣдушкѣ, и много разсказовъ приходилось мнѣ слышать. Одинъ изъ нихъ особенно живо сохранился въ моей памяти.

— И страшень былъ годъ! Дѣды и прадѣды не запомнить...—разсказывалъ автору мужикъ Антонъ.—Страшный годъ у всѣхъ былъ въ памяти, и мнѣ часто приходилось слышать про него.

— Давно было, еще отецъ твой въ семинаріи учился. Снѣга зимой были мелкіе, весною рѣки чуть разлились. И пошли тутъ жары, да сушьмень,—ни дождичка, ни росъ. Попрыскало какъ-то разъ за весну, и все тутъ.

Трава посохла, деревья словно варомъ сварило, да еще червь напалъ, — остатки доѣлъ вчистую; рѣки высыхать стали, у насъ только въ одномъ бочагѣ и осталась, рыба дохла. Поганое болото и то пересохло,—лѣтомъ пѣшкомъ скрозь ходили. Ни ягоды, ни гриба; на поля не глядѣлъ бы, — по округѣ рожь на кормъ скоту косить стали. А тутъ лѣсъ горѣть зачалъ, солнышка не видать, застлало дымомъ, дышать тяжело. Пошла по народу смута, странники сказанія сказывали...

И надумали мы всѣмъ приходомъ иконы поднять, молебствіе съ водосвятиемъ на поляхъ сдѣлать. Къ дѣдушкѣ твоему. А онъ и говорить:

— Дѣло, говорить, православные, это хорошее, только съ чистыми душами подходить надо. Давайте, говорить, исповѣдуемся всѣ, да причастимся сперва. Такъ и сдѣлали; велѣлъ онъ наганувѣ вымыться и бѣлыя рубахи надѣть; исповѣдались всѣ, — и самъ онъ у сосѣдняго священника исповѣдался, — а на другой день и причастилъ всѣхъ за обѣдней. Подняли иконы послѣ службы, и тронулось все село въ поля... Какъ-то дымъ прошелъ маленько, небо ясное, ни облачка, солнышко жаркое печеть, тишь кругомъ, кажется, всякое слово, чтò дѣдушка твой служилъ, далеко слышно было. А я чашу несъ, рядомъ съ дѣдушкой стоялъ... Только сталъ онъ крестомъ воду крестить, смотрю я — чтò-то на руку мнѣ капнуло. Поглядѣлъ на небо — чисто кругомъ; ну, думаю, изъ чаши плеснуло. А потомъ вдругорядъ въ самую маковку угодило, и еще разъ и еще... Смотрю я на народъ, — дрогнули православные, а капли шлепаются словно по орѣху, пыль поднимаютъ, слышно, какъ объ каменную-то землю стучать.

Паль тутъ народъ на колѣни, и завопили всѣ — и мужики, и бабы, и дѣти малыя. А дождикъ все шибче да шибче. Дѣдушка твой тоже на колѣни паль; крестъ-то въ рукахъ, а молитву читать не можетъ, самъ въ три ручья плачетъ. Старикъ Калистратъ — пономарь живъ еще былъ, рядомъ со мною стоялъ — тоже реветъ, лбомъ въ землю тычется.

Недолго въ ту пору дождикъ шелъ, пересталъ. Двинулись домой, отошли, можетъ, съ полверсты, и поднялась тутъ съ солнечнаго восхода туча — сила черная, страшная, полнеба обняла, солнышко закрыла, темно стало на землѣ, какъ ночью, и пошелъ тутъ дождь.

И пошелъ тутъ, братецъ ты мой, до-ождь!.. А народъ въ избы идти не хочетъ, — такъ посередь села супротивъ церкви сгрудились, какъ овцы, и стоятъ. А дождикъ-то поливается!.. А дождикъ-то поливается!..

Да, была благодать Божія!.. рѣки вдулись, словно въ половодье, напоилъ Господь землю досыта. Травка выгля-

нула, деревья повеселѣли, пожары прикончились, грибъ пошелъ всякій. Рожь чуть поправилась, — опоздали мы маненько иконы-то поднять, только на сѣмена и собрали. Зато овсы налились стѣна-стѣной, гречиха, горохъ, рѣпа, огорожина всякая—на рѣдкость! Только нашимъ приходомъ и прошла туча, да еще изъ сосѣдняго прихода маленько попользовались.

Ахъ, и страшный годъ былъ! Чтò нищихъ-то было! Тагъ деревнями и ходили. Ребята малые чуть плетутся, бывало, старики, которые постарше, помирать стали... И со всей округи—къ намъ; только и слышишь, бывало, цѣлый день: «батюшки матушки милостышку Христа ра ади!»

Вся округа въ ту пору за батюшку-то, за отца-то Лукьяна, молилась. Спасибо и тутъ надумилъ. Какъ убрался съ хлѣбомъ, собралъ онъ сходъ и говорить міру:

— Такъ и такъ, православные, явилъ намъ Господь Богъ милость великую, — никому не въ примѣръ... Надо, говорить, Его благодарить или нѣтъ?

Извѣстно міръ:

— Какъ не благодарить!

Ну, и говорить потомъ:

— Ежели бы не Его особливая милость, были бы вы теперь сыты, али ходили бы съ сумой по окошкамъ стучаться, какъ другіе прочіе?

— Извѣстно какъ прочіе,—говорить міръ.

— Какъ вы, значить, теперь насчетъ своего хлѣба понимаете? Вы его заработали, али Богъ вамъ далъ?

— Понимаешь, — замѣтилъ Антонъ, — какую линію-то онъ велъ?

— Божій хлѣбъ новѣшній,—заговорилъ народъ,—Божій!

— А коли, говорить, Божій, такъ и продавать его нельзя,—на Божьи дѣла и идти долженъ.

Тутъ же міромъ и порѣшили, — у кого старые скирды есть, или, къ примѣру, въ амбарахъ отъ прежнихъ годовъ осталось,—тотъ воленъ продавать, а чтò въ это лѣто уродилось, на полушку продавать заказано.

Никому отказу не было. Можно сказать, вся округа отъ насъ кормилась,—и овесъ, и гречиху, и ячмень—все на муку смололи, хлѣбомъ раздавали, лепешки пекли. А самъ дѣдушка-то твой и старое, и новое—большіе у васъ отъ прежнихъ годовъ скирды стояли—все пустилъ онъ по православнымъ. Точила ужъ его бабушка-то твоя—ничего сдѣлать не могла. А глядя на него, кое-кто изъ крестьянъ, кто подобрѣе да посправнѣ былъ, тоже старые запасы перемололи, да по православнымъ пустили.

И сыты были,—закончилъ Антонъ,—и деньгу зашибли, потому все-таки старое распродали, а цѣны стояли — не приведи Господи! Вотъ онъ какой человѣкъ, дѣдушка-то твой! Будетъ теперь заступникъ и у насъ предъ престоломъ Божиимъ!»

Въ разсказѣ г. Проходцева «Слово» (*Русское Обозрѣніе* 1901 г.) выведенъ сельскій священникъ, о. Яковъ, силою своего пастырскаго слова образумившій и исправившій забубеннаго пьяницу и озорника солдата Гаврилу.

Отецъ Яковъ — «сѣденькій, лысый старичекъ, съ большою бородою на добродушномъ лицѣ. Во время хожденія по приходу онъ приходитъ между прочимъ и въ избу Гаврилы. Гаврила, семейный уже мужикъ, прежде былъ тихимъ, степеннымъ парнемъ, но, побывавъ въ солдатахъ, сталъ неузнаваемъ, — превратился въ пьянаго и буйнаго озорника и буяна. Когда отецъ Яковъ приходитъ къ нему въ избу со святынею, онъ, будучи сильно пьянъ, начинаетъ всячески издѣваться надъ нимъ и поносить его, а когда тотъ, истративъ весь запасъ увѣщаній и убѣжденій, хочетъ удалиться изъ избы, Гаврила, схвативъ его за плечи, валитъ на полъ и начинается колотить изо всей мочи. Прибѣжавшій урядникъ съ мужиками освобождаетъ сильно помятаго о. Якова отъ кулаковъ осатанѣвшаго Гаврилы. Отца Якова увозятъ домой, урядникъ составляетъ протоколъ, и Гаврилу ожидаетъ судъ и, можетъ быть, острогъ. Но Гаврила, и протрезвившись, не думаетъ ни

раскаиваться, ни попросить прощенія у батюшки, а, напротивъ, рѣшаетъ—если попадетъ въ острогъ, «спалить» потомъ все село».

Между тѣмъ отецъ Яковъ, нѣсколько оправившись отъ побоевъ, начинаетъ жалѣть Гаврилу и думаетъ опять попробовать усовершенствовать его. «Въ головѣ о. Якова копошились одна за другой мысли о томъ, какъ онъ возвратитъ своего духовнаго сына на путь истины; какъ въ возмездіе нанесенной ему обиды нужно поступить такъ, чтобы этотъ поступокъ послужилъ Гаврилѣ мѣрою исправленія, средствомъ исправленія. Да не погибнетъ и одинъ отъ малыхъ сихъ».

Я уже старикъ, думалъ онъ, жизнь прожилъ безъ жалобъ и кляузъ, со всѣми въ мирѣ, согласіи и душевномъ спокойствіи. Не стоитъ на старости лѣтъ заводить судебныхъ дѣлъ! Господь съ нимъ. Лучше милость, чѣмъ судъ. Судъ безъ милости не сотворшему милости. Чтò толку, рѣшалъ батюшка,—если въ самомъ дѣлѣ его, какъ говорить урядникъ, осудятъ, посадятъ въ тюрьму. Гаврила острожникомъ будетъ... совсѣмъ пропадетъ... И я лишусь одного пасомаго, за котораго долженъ буду дать отвѣтъ на Страшномъ судилищѣ Христовомъ.

Онъ пропадетъ... А у него семейство, старые да малые.

Добрымъ словомъ постараюсь его довести до признанія своей виновности. Я отецъ его духовный, пастырь. А эти бумаги да всякія судбища — Господь съ ними!.. Пользы мнѣ отъ этого не будетъ, а человѣка для міра житейскаго погубишь, изъ міра сего отринешь. Лучше и перенесу, потерплю... А онъ, Гаврилъ, видя мое великодушіе, усовершенствуется, сознаетъ, исправится»...

Приди къ такому благому рѣшенію, о. Яковъ начинаетъ усердно просить урядника не давать хода дѣлу. Тотъ—неохотно и съ неудовольствіемъ—но все же соглашается. Дня черезъ три, увидавъ Гаврилу на улицѣ, трезваго, отецъ Яковъ останавливаетъ его и начинаетъ ласково и внятно увѣщевать его и даже самъ просить у него прощенія:

— «Знать, я сильно обидѣлъ тебя какъ-нибудь, что ты возненавидѣлъ и оскорбилъ меня. Прости, прости!»

Нехотя останавливается Гаврила, нехотя слушаетъ батюшку и въ отвѣтъ роняетъ ему лишь нѣсколько злобныхъ и дерзкихъ словъ. Наконецъ, поворачивается, чтобы уйти; но такъ какъ отецъ Яковъ заступилъ ему дорогу,—зворачиваетъ на дорожку, ведущую къ рѣчкѣ. — «Образумься, Гавриилъ,—погибнешь»,—кричитъ ему вслѣдъ батюшка, но Гаврила, не слушая и не помня себя отъ злобы, быстро шагаетъ впередъ... Вдругъ онъ вздрогнулъ и очнулся. Онъ — на самомъ краю проруби и уже занесъ ногу, чтобы ступить туда. — «Образумься, — пропадешь» — слышитъ онъ голосъ и уже не понимаетъ, — совнѣ ли этотъ голосъ или въ немъ самомъ. Оглянулся, — «а за нимъ стоитъ, запыхавшись отъ усталости, батюшка, съ дѣтски-безпомощнымъ лицомъ, трясущимися губами и протянутой рукой, чтобы удержать его».

Опомнился, наконецъ, Гаврила, палъ предъ батюшкой на колѣна и заплакалъ. А на другой день въ церкви, предъ Крестомъ и Евангеліемъ и передъ всѣмъ народомъ, поклялся, что не будетъ уже болѣе такимъ, какимъ былъ, — и сдержалъ свою клятву. Гаврила—работящій, совершенно трезвый и степенный мужикъ, на котораго не нарадуется жена и старуха мать, а болѣе всѣхъ—уже престарѣлый и совсѣмъ ветхій отецъ Яковъ.

Подобный этому типъ сельскаго священника выведенъ въ рассказѣ г-жи Нелидовой «На ряску» (*Миръ Божій* ноябрь 1901 г.)—въ лицѣ отца Николая. Рассказъ переноситъ читателя въ вымирающее отъ голода и голоднаго тифа и цынги постигнутое неурожаемъ село Гусевку. Отецъ Николай глубоко страдает, видя несчастіе своихъ прихожанъ, и обходитъ село, стараясь хоть чѣмъ-нибудь утѣшить и ободрить страждущихъ. Но вездѣ его смущаетъ одинъ и тотъ же вопросъ, настойчиво предлагаемый ему въ каждой избѣ:

— «А что, батюшка, — столовую-то откроютъ въ Гусевкѣ, али нѣтъ?»

— «Не знаю, — смущенно отвѣчаетъ батюшка.

«Каждый день то тамъ, то тутъ преслѣдовали его этимъ вопросомъ, и онъ чувствовалъ себя какъ бы отвѣтственнымъ и даже виноватымъ въ томъ, что до сихъ поръ о Гусевкѣ никто не подумалъ и не позаботился».

Поздно ночью, въ окнахъ церковнаго дома свѣтился огонь. Маленькая жестяная лампочка коптѣла и скудно освѣщала комнату, распространяя запахъ керосина. Тихо было въ домѣ до жуткости.

Батюшка жилъ совсѣмъ одинъ. Жена его умерла три года назадъ отъ тифа, свирѣпствующаго здѣсь каждую зиму.

Давно уже скрипѣло перо по бумагѣ, нарушая тишину вмѣстѣ съ однообразнымъ стукомъ маятника старыхъ стѣнныхъ часовъ.

Отецъ Николай писалъ письмо за письмомъ.

Много разъ уже обращался онъ къ людямъ «власть имущимъ» и къ простымъ городскимъ знакомымъ съ всепокорнѣйшей и настоятельной просьбой помочь голодающему населенію, облегчить его все возрастающія страданія и не дать погибнуть старикамъ, молодымъ и дѣтямъ отъ голода и болѣзней. Кругомъ уже цѣлою сѣтью раскинулись столовые и питательные пункты, а Гусевка все еще не видала ни одного благотворителя. «Рука дающаго да не оскудѣетъ. Господь видитъ добро и воздастъ за него сторицею. Тяжело пастырю видѣть, какъ гибнетъ стадо его, и не быть въ состояніи помочь ему».

Лунный свѣтъ уже смѣнился блѣдною утреннею зарею, когда батюшка кончилъ и запечаталъ послѣднее письмо. Съ трудомъ разогнувъ онъ ноющую отъ усталости спину и взглянувъ въ окно утомленными глазами съ красными опухшими вѣками».

Приходятъ къ отцу Николаю и бабы съ жалобами на отбившуюся отъ рукъ молодежь. Отецъ Николай старается вразумить ее.

Наконецъ отчаянныя усилія отца Николая увѣнчались успѣхомъ. Въ Гусевкѣ открыли столовую и стали кормить голодающихъ. Острая нужда и болѣзни исчезли.

Въ еще болѣе удручающей обстановкѣ изображаетъ тоже молодого сельскаго священника, отца Власія, разсказъ г. Измайлова «Ночь»¹⁾.

Глухое, занесенное снѣгомъ, село. Темная декабрьская ночь. «Село спитъ, но не спитъ отецъ Власій. Блѣдный, утомленный нѣсколькими безъ сна проведенными ночами, онъ сидитъ у стола въ своей спальней, неподалеку отъ постели своей больной жены. Вырывающійся изъ-подъ абажура свѣтъ свѣчи падаетъ на его крупныя, почти мужицкія руки и освѣщаетъ склоненное надъ столомъ молодое, заросшее бородой лицо, отуманенное думой. Вотъ уже цѣлый мѣсяць его подкарауливаетъ несчастье,—у порога его дома стоитъ, жадно прислушиваясь, смерть, и жизнь борется съ недугомъ, то вспыхивая, то снова замирая, какъ этотъ огонекъ въ лампадкѣ, подъ нагорѣвшею свѣтильной. Отецъ Власій знаетъ, что недугъ побѣдитъ, и страшная гостя, можетъ быть, совсѣмъ уже скоро унести съ собой милое существо, съ печальными кроткими глазами, которымъ до сихъ поръ была красна его сѣренькая будничная жизнь... Жена его умретъ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ случайно привязавшейся тяжелой болѣзни усилились ея сердечныя припадки и участились перебои, и ему стало извѣстно о томъ, что страшный конецъ недалекъ, — эта мысль не выходитъ изъ его головы... Два врача, изучавшіе ея болѣзнь, посоветовали ему быть ко всему готовымъ. Организмъ надорванъ, сердце устало и проситъ покоя. Очевидно, ждать уже недолго»...

Съ минуты на минуту отецъ Власій ждетъ пріѣзда третьяго врача, извѣстнаго губернскаго доктора Мезен-

¹⁾ Измайловъ. „Черный воронъ“ и другіе разсказы. Первая книжка разсказовъ. Спб., 1901.

цева, своего школьного товарища и друга. Бывъ ранѣе у о. Власія, Мезенцевъ замѣтилъ и обратилъ вниманіе на ненадежное состояніе его жены, совѣтовалъ ему беречь ее и прибавилъ: «А когда будетъ во мнѣ надобность,— зови хоть въ Пасху. Стрѣлой прилечу». Мезенцеву послано отчаянное письмо и вслѣдъ за нимъ телеграмма. Теперь онъ долженъ скоро пріѣхать.

Кто-то подъѣхалъ. Это, конечно, Мезенцевъ. Въ сердцѣ отца Власія снова вспыхиваетъ надежда. Онъ спѣшитъ на встрѣчу пріѣзжему и... въ ужасѣ отступаетъ назадъ. Это не Мезенцевъ, — это мужикъ пріѣхавшій за отцомъ Власіемъ за нѣсколко верстъ—звать его причастить его больного отца. И мужикъ-то, вдобавокъ, изъ чужого прихода. Тамошній священникъ уѣхалъ въ городъ.

«Страшная мысль осѣнила отца Власія. Да, конечно, такъ, и не можетъ быть иначе! Онъ пришелъ за нимъ, этотъ мужикъ, это олицетвореніе горя, оторвать его въ роковыя минуты отъ дома, отъ Маши... И ему надо ѣхать въ этотъ мракъ, въ непогоду, потому что это его долгъ... Странное озлобленіе вдругъ охватило его душу. Всѣ на него!.. Онъ невольно схватился за голову>...

Не ѣхать?.. А совѣсть, а долгъ пастырскій, а отвѣтственность за душу христіанскую, а мольбы и просьбы мужика, наконецъ...

Ѣдетъ отецъ Власій съ дароносицей въ неблизкій путь и грезить въ полудремотѣ. Безконечною кажется дорога. Но вотъ, наконецъ, подъѣзжаетъ онъ къ своему дому. «Подобравъ одною рукою передъ рясы, другою придерживая на груди дароносицу, онъ почти бѣжитъ въ свой дворъ... Вотъ открывается дворъ его кухни. На порогъ появляется сторожъ Евтихъ. Вѣтеръ треплетъ пламя его свѣчи... Боже, неужели умерла?

И не своимъ, страннымъ голосомъ о. Власій спрашиваетъ, поднимая на первую ступеньку:

— Чтò, Евтихъ?.. Неужели умерла?..

— Божья воля, отецъ Власій...